

Приступая к выполнению заданий, вы подтверждаете, что профиль и класс заданий соответствуют сведениям, указанным вами при регистрации.

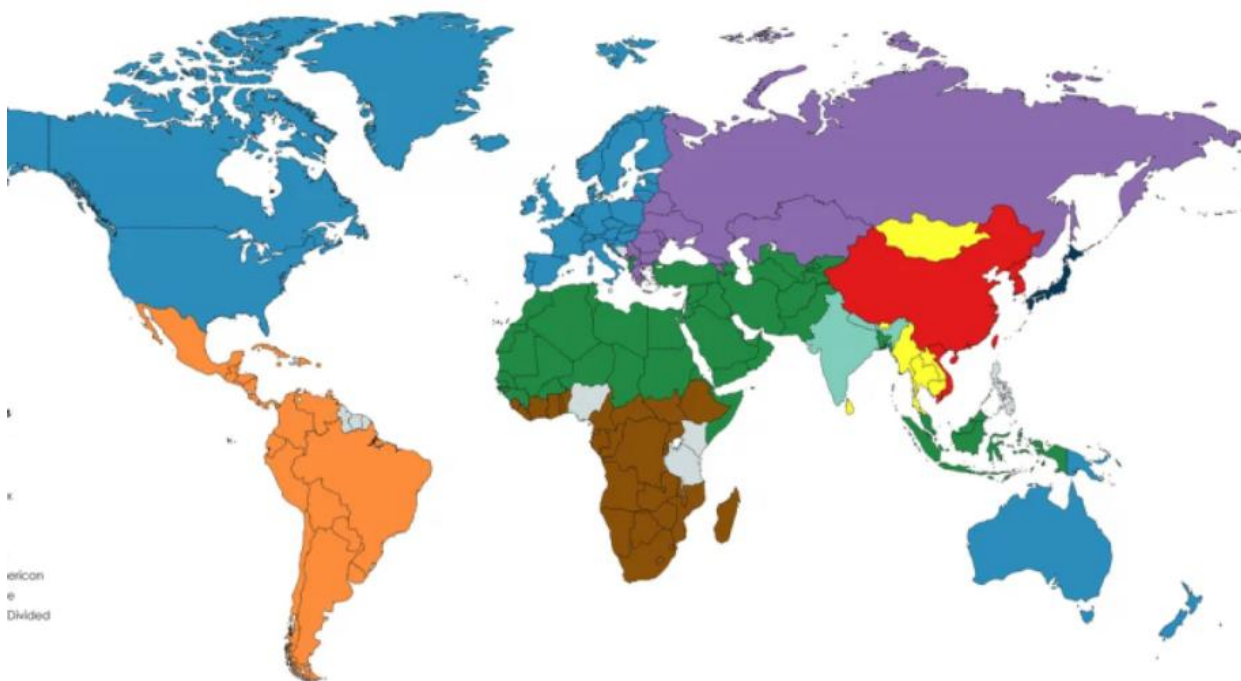
Время выполнения заданий – 120 минут

Максимальное количество баллов - 100

Часть I. Работа с географической картой (25 баллов).

Ниже представлена карта цивилизаций, иллюстрирующая концепцию С.Хантингтона. Согласно мнению этого исследователя, высказанному в 1993 г. в книге “Столкновение цивилизаций”, в мире существует 9 или более цивилизаций, а конфликты в XXI в. будут развиваться вдоль линий их столкновения.

Внимательно изучите ее, ответьте на вопросы и выполните задание на контурной карте:

Задание 1.1 Как вы думаете, какие цивилизации выделял Хантингтон, и какие критерии он положил в их основу? (10 баллов).

Задание 1.2. Отметьте на карте современные конфликты (произошедшие и происходящие в течение XXI в.), истоки которых концепция Хантингтона может логично объяснить. (7 баллов)

Задание 1.3. Отметьте на карте другие текущие конфликты, которые не укладываются в концепцию Хантингтона. Есть ли, по вашему мнению, какое-то общее объяснение их происхождения? (8 баллов)

Часть II. Работа с изобразительными источниками. Рассмотрите приведенные ниже фотографии. Ответьте на вопросы. (25 баллов)

Задание 2.1 Какие события запечатлены на кадрах фотохроники? Укажите период-даты событий, а также объясните сходства и различия, характеризующие данные события. (13 баллов)

1.

2.

3.

Задание 2.2. Какое событие в истории Кореи объединяет данные изображения? Расположите их в хронологическом порядке, где №1 - это самое раннее событие. К каждой фотографии дайте аргументированный комментарий своего выбора (12 баллов).

1.

2.

3

4.

Часть III (25 баллов). Работа с письменным источником

Прочитайте фрагмент исторического теста. Дайте развернутые ответы по тексту.

Ниже приведены фрагменты законодательства одной из стран Азии. Внимательно прочитайте, выполните задание.

Задание 3.1. Как Вы считаете, в какой стране и когда был принят данный закон? По каким признакам вы это определили? (10 баллов)

Задание 3.2. Какие перемены во внутренней и международной политике отражены в данном законе? Какие события и тенденции предшествовали принятию данного законодательства? (10 баллов)

Задание 3.3. Как изменялись военные формирования, которым посвящен закон, с течением времени? Каков их статус в настоящий момент? (5 баллов)

Настоящий закон определяет задачи, структуру и организацию Сил Самообороны, их деятельность и полномочия, статус личного состава и другие вопросы прохождения службы.

[...] Силы Самообороны в настоящем законе включают министра обороны, его заместителей, помощников, советника и секретаря, центральный аппарат министерства обороны, военный и военно-медицинский колледжи, совет обороны, объединенный штаб, разведывательное управление МО, научно-исследовательский технический центр, управление военных поставок, инспекционное управление, региональные управления обороны, прочие учреждения [...]

[...] Главной задачей Сил Самообороны является оборона страны от прямой или косвенной агрессии в целях защиты независимости государства, поддержания мира и безопасности. В случае необходимости Силы Самообороны могут быть использованы для поддержания общественного порядка.

Силы Самообороны помимо указанного выше решают следующие регламентируемые прочими законодательными актами задачи, которые выполняются не в ущерб их главному предназначению и без применения вооруженной силы или создания кому-либо угрозы:

1. Обеспечение мира и безопасности в прилегающих к [...] в случае возникновения угрозы стране;
2. Обеспечение мира во всем мире и безопасности в рамках вклада в деятельность различных международных организаций [...] и прежде всего ООН. [...]

Премьер-министр в соответствии постановлениями правительства определяет знамя и военно-морской флаг для формирований и кораблей Сил Самообороны. [...]

Имеющий заслуги личный состав, а также формирования и учреждения [...] могут быть награждены министром обороны или уполномоченными лицами, а за особые заслуги - премьер-министром. [...]

Представляющий правительство премьер-министр является верховным главнокомандующим Сил Самообороны.

Часть IV (25 баллов). Работа с текстом научной статьи. Внимательно прочитайте текст и ответьте на вопросы по тексту.

Андрей Чупрыгин, Лариса Чупрыгина, Валерий Матросов

«Как Тегеран и Эр-Рияд Залив делили»: «Россия в глобальной политике». Том 18, №6, (106) ноябрь - декабрь 2020, С.163-171

Задание 4.1 Почему, по мнению авторов, конфликт между Саудовской Аравией и Ираном нельзя объяснить только различиями между суннитами и шиитами? (6 баллов)

Задание 4.2 Почему после 2003 года именно Ирак стал главным полем соперничества Саудовской Аравии и Ирана? (6 баллов)

Задание 4.3 Как Саудовская Аравия и Иран участвуют в конфликтах в Ливане и Йемене, не воюя друг с другом напрямую? (6 баллов)

Задание 4.4 Какую роль в противостоянии Ирана и Саудовской Аравии играют США и Россия? (7 баллов)

С момента возникновения Исламской Республики Иран (ИРИ) в 1979 г. отношения между Тегераном и Эр-Риядом развивались неоднозначно. Появилось государство, сумевшее в крайне непростых условиях выстроить систему управления, экономику, культурную жизнь в «более исламском» русле. Это предполагало, что руководству Королевства Саудовская Аравия (КСА), которое позиционировало себя в качестве лидера мусульманского мира, придётся по-, а, возможно, и передать пальму исламского первенства своему неарабскому, да к тому же ещё и шиитскому, соседу.

Иранский пример с энтузиазмом восприняли все шииты Ближнего Востока, причём шиитское население восточных провинций Саудовской Аравии – самых нефтеносных и самых небогатых – первым выступило с политическими лозунгами в пользу иранского опыта и построения шиитского государства. Кроме того, курс на воспроизведение иранской модели взял ряд суннитских группировок – таких, как «Исламский джихад» на территории Палестины.

Официальная позиция иранского духовенства, которое открыто критиковало саудовский режим и призывало к «экспорту исламской революции» в страны региона, воспринималась как угроза национальной безопасности Саудовской Аравии. Королевство, впрочем, не осталось в долгу и оказало активную поддержку Саддаму Хусейну в годы Ирано-иракской войны (1980–1988), предоставив ему помощь на сумму 27,2 млрд долларов.

На фоне этих событий произошёл разрыв дипломатических отношений, продолжавшийся с 1988 по 1991 год. Формальным поводом послужили столкновения иранских паломников с полицией во время хаджа, а также холодно встреченное в Эр-Рияде требование Ирана увеличить квоту с 55 тысяч до 150 тысяч паломников в год. Однако с завершением Ирано-иракской войны Тегеран стал склоняться к выходу из региональной международной изоляции и к компромиссу с соседями. Смерть харизматичного и экспрессивного аятоллы Рухоллы Хомейни, а также осуждение Ираном оккупации Кувейта иракскими войсками годом позже способствовали восстановлению дипломатических отношений и достижению консенсуса по вопросу количества паломников (квота составила 115 тысяч человек). На протяжении более чем десятилетия отношения развивались достаточно ровно. Однако с момента вторжения американских войск в Ирак в 2003 г. они начали стремительно ухудшаться, причём основными вехами следует считать события 2003, 2011 и 2015 годов.

Американская агрессия против Ирака уничтожила прежний баланс сил в регионе Персидского залива. До начала вторжения наличие общего соперника в лице Багдада вынуждало КСА и ИРИ идти на компромиссы, вплоть до предложения (правда, нереализованного) сформировать коллективную систему обеспечения безопасности, которая включала бы и Иран, и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и была бы направлена на достижение энергетической безопасности. Но крушение иракской государственности повлекло за собой огромные по своей значимости последствия.

Хрупкий баланс внутри треугольника «Эр-Рияд – Тегеран – Багдад» был уничтожен, геостратегическое пространство претерпело существенную трансформацию. Особую роль здесь сыграли внутренние политические и социальные особенности Ирака. Государство, где шииты всегда составляли более половины населения, а сунниты формировали политическую и экономическую элиту, страна, расположенная на пересечении суннитской и шиитской осей «Саудовская Аравия – Турция», «Иран – Ливан», оказалась желанным призом для обоих претендентов на региональное лидерство.

Установление контроля над Ираком позволило бы и Саудовской Аравии, и Ирану существенно укрепить собственные региональные и глобальные позиции. И вот вокруг заветной цели начался новый этап политического противостояния.

Приход в 2005 г. на пост президента ИРИ энергичного и решительно настроенного Махмуда Ахмадинежада усугубил обострение отношений Ирана с внешним миром. Помимо Ирака, конфликт в формате «войн по доверенности» затронул Ливан и Йемен. В первом Эр-Рияд и Тегеран «издалека» поддерживали оппозиционно настроенные в отношении друг друга политические силы, чему в большой степени способствовала конфессиональная структура политического поля Ливана. А во втором – прямо вмешались во внутренний конфликт, причём Иран оказал содействие повстанцам, хуситам, а КСА заняло сторону официального правительства страны.

Таким образом, к классическому противостоянию, протекавшему на внутреннем уровне и затронувшему идеологические, религиозные, националистические противоречия, а также вопросы экономического характера (цены на нефть, логистика торговых маршрутов), добавилась неприкрытая борьба за региональную гегемонию, в которую стали вовлекаться и другие страны. Основной целью борьбы оставался Ирак.

Эта тенденция стала ещё более очевидной после начала «арабской весны». И Эр-Рияд, и Тегеран восприняли пробуждение «арабской улицы» не столько как угрозу, сколько как возможность сыграть втёмную, укрепив свои позиции в регионе. Поддерживая различные правительственные и антиправительственные группировки, спонсируя их и оказывая им военную поддержку, ИРИ и КСА энергично трансформировали противостояние в полноценный региональный конфликт. Обе стороны творчески применяли давно обкатанную доктрину управляемого хаоса, демонстрируя хорошо усвоенный урок британской модели взаимодействия с Ближним Востоком. При этом и КСА, и ИРИ достаточно активно привлекали внешних акторов своими действиями «на земле» и в дипломатическом, и в экономическом секторах, приглашая их (а часто и провоцируя, как в случае с США) принять участие в этом конкурсе возможностей. Вовлечённость в большинство локальных столкновений других игроков – как ближневосточных (Катар, Турция), так и внешних (Соединённые Штаты, Россия) – в свою очередь, способствовали тому, что конфликт между претендентами на лидерство проявлялся по-разному: политическое маневрирование, военные действия через лояльные группировки на месте, дипломатические игры и экономическое давление.

В результате, саудовско-иранские контакты оказались в худшем состоянии за всё время их существования, а обострение противоречий в наиболее ярко выраженном виде затронуло две сферы: официальную и экс-территориальные конфликты.

ИРИ и КСА ужесточили полемику: в Эр-Рияде обвиняют Тегеран в попытке использования прокси-сил, чтобы навязать на всём Ближнем Востоке собственную политическую повестку; в Тегеране же полагают, что саудовское руководство продвигает в регионе интересы США (а заодно – Израиля). Претензии обеих сторон не лишены оснований, но взаимная политическая риторика отличается склонностью к гиперболизации. Между Саудовской Аравией и Ираном в полную силу идёт информационная война, в которую невольно (или осознанно) вовлекаются внешние акторы, позиционирующие себя в качестве союзников и противников каждого из претендентов на лидерство в регионе.

« »

Во многих государствах Ближнего Востока не прекращается опосредованный конфликт: обе стороны обеспечивают лояльные им группировки и партии деньгами, оружием, опытом, дипломатической и медиаподдержкой. В результате целый ряд региональных конфликтов усугубляется их вовлечённостью в ирано-саудовское противостояние, а некоторые прямо возникают из него.

« »

В сферу противостояния вовлечено неопределённое количество внешних участников. Неопределённое, потому что в каждый конкретный момент идентификация их прямо зависит от характера текущей проблемы. Однако есть два фактора, которые позволяют увидеть конечный расклад.

Первый можно описать вопросом: что ты можешь сделать для меня сегодня? Причём ставится он обеими сторонами. Здесь важны политические сиюминутные интересы, разбавленные любовью к твёрдой валюте, которой обе противостоящие стороны пользуются с удовольствием.

Второй фактор – более или менее постоянный – участие США и России. Он имеет историческую природу. Конструкция «Россия – Великобритания – СССР – Соединённые Штаты – Россия» представляет собой классический пример конкурентной геополитической борьбы на Ближнем Востоке, играющей роль перманентной характеристики событий, которая определяет политический процесс в регионе в исторической ретроспективе.

Естественным образом эта самая конкурентная борьба напрямую влияет и на противостояние между КСА и ИРИ. Пусть не всегда заметно, зато всегда эффективно.

« »

Так почему Соединённые Штаты, потеряв азарт, всё же из последних сил цепляются за Ближний Восток? И как Россия определяет свои сиюминутные и перспективные интересы?

Как это ни странно, причины присутствия США и России на Ближнем Востоке кроются не столько в специфике региона и его значении для мирового политического процесса, сколько в отношениях между двумя мировыми акторами. В период холодной войны Вашингтон и Москва, будучи внешними гарантами безопасности в регионе, строили альянсы с ближневосточными элитами в основном с целью противостоять влиянию своего визави в рамках большой геополитической игры. С исчезновением Советского Союза ничего принципиально не изменилось. Как и раньше, Россия и США продолжают «работать» с ближневосточными элитами в пику друг другу. Но в отличие от периода холодной войны роль идеологического фактора перешла из арсенала Москвы в джентльменский набор Вашингтона. Если в политике Кремля ясно виден политический и экономический прагматизм, пусть и не всегда достаточно ясно сформулированный, то в действиях Белого дома всё больше чувствуется идеологический подтекст. Это чревато последствиями и для региона, и для взаимодействия между основными акторами.

Хотя есть и существенное отличие от предыдущего исторического периода, называемого холодной войной. Теперь речь идёт не столько о борьбе за контроль над углеводородными и другими ресурсами, сколько о «чистой» геополитике – кто с кем и против кого дружит, у кого где есть присутствие и в каком объёме. То есть материальные выгоды сомнительны, учитывая, что финансовая подушка ближневосточных скруджей резко съёжилась, нефтяной фактор теряет своё значение, а традиционное противостояние в регионе трансформируется в нетрадиционное для Ближнего Востока сотрудничество, практически обнуляя палестино-израильскую проблему.

Но баланс сохраняется, так как фокус игры смещается в район Средиземноморья, где российский фактор с каждым днём увеличивается благодаря турецкому аншлюсу и, судя по всему, такой «размен влияния» пока устраивает всех.

Традиционный для XX века баланс внешнего влияния в регионе между США и Россией (СССР) начинает трансформироваться в торги за «территории интересов». Вашингтон, озабоченный окормлением электората в преддверии выборов, разыгрывал израильскую карту, в то время как Москва, имея неоднозначный, но достаточно сильный козырь в виде Сирии, взяла реванш в Средиземном море. Конечная цель – не дать сопернику занять выгодную позицию.